

«Я ХОРОШО ПОМНЮ СВОЕ ДЕТСТВО»

*Беседа Людмилы Смирновой с Д. С. Лихачевым:
14 февраля 1996 г.*

Л. С.: Помните ли вы свои детские годы?

Лихачев: Я очень хорошо помню свое детство. И помню благодаря очень простой вещи. Мой отец, инженер-электрик, любил заниматься фотографией. У него был такой довольно примитивный ящик. С помощью этого ящика, который можно было легко переносить (он брал его с собой на прогулки или на дачу, в Крым или в Одессу), он всегда снимал. И эти снимки сохранились. Сохранились даже негативы, потому что эти негативы были не стеклянные, а мягкие, на пленке, и их можно было накапливать сколько угодно.

Как-то лет двадцать тому назад я проверил, и оказалось, что с этих негативов получились чудные фотографии. И благодаря этим фотографиям всплывает все окружавшее меня в детстве: в каких обстоятельствах это снято, кто наши знакомые, всё. Я это очень рекомендую. Если в семье есть дети, нужно заниматься фотографией. Потому что детство — это самое счастливое время. Даже если происходят какие-то несчастья, они как-то легко воспринимаются и забываются, а все хорошее в детстве запоминается.

Л. С.: Дмитрий Сергеевич, вы смотрите на фотографии людей, которые жили в начале двадцатого века, отличаются ли они от тех людей, которые окружают вас сейчас?

Лихачев: Очень. Я даже не могу сказать, чем они отличаются. Это какая-то другая генерация. Совершенно другая. Ну, во-первых, было гораздо больше интеллигенции, и поэтому на улицах вы встречались с совсем другими людьми. Даже рабочие были другие. Вот, скажем, мне приходилось часто бывать вместе (в Казани мы были с ним вместе, блокаду переживали вместе) с академиком Иваном Ивановичем Толстым. Он очень напоминал старого петербургского рабочего. А старые питерские рабочие были академиками своего дела. У них были нравственные начала, которые сказывались даже в таких вещах, как забастовки. Они никогда не портили имущество. Допустим, была возможна забастовка учителей, но как бы они ни страдали, скажем, от низкой заработной платы (это уже в начале революции), но бросить детей, школьников для них было невозможно. Так же, как забастовка врачей. Это была совершенно невозможная вещь. И это видно по фотографиям, потому что дело не в том, красивее они были или некрасивее, они были добрее, вежливее, воспитаннее. Слово «воспитанность» у нас сейчас исчезло, а тогда различали людей воспитанных и невоспитанных. Если кто-то грубил, про него говорили: «Ну, что от него ожидать? Невоспитанный человек». А воспитанность была независимо от обще-

ственного положения. Невоспитанным мог быть и правовед, и лицеист, кто угодно. Например, когда в Мариинском театре (а мои родители увлекались балетом) лицеисты и офицеры гвардейских полков во время антракта иногда становились у дирижерского места и в бинокль разглядывали дам в зале, направляя бинокль прямо им в лица, а заодно и сами красовались, это была глубочайшая невоспитанность. У меня до сих пор сохранилось отрицательное отношение к «шутам» (их называли шутами) — к людям, которые говорят небрежно, цедят слова, не уважая своих собеседников.

А вместе с тем, скажем, простые дворники были очень воспитанны, хотя и приходили каждый праздник получать на чай. Дворники и швейцары. Швейцар в нашей школе всегда открывал двери и приветствовал по-итальянски, а прощаясь, говорил: «Arrivederci»*. А сын его учился в нашем классе. Сын швейцара. Причем тут же учился сын банкира, тут же учились дети Шаляпина, учились дети родителей разных национальностей. Это была немецко-русская школа. Карл Иванович Май ее основал по европейским системам воспитания. Но много было русских, евреев. Причем евреи были двух категорий: еврей-традиционалисты, исповедующие иудаизм, и евреи, перешедшие в протестанты, — их очень много было на Васильевском острове. Был татарин, были дети моряков, был один француз, причем француз по фамилии Мечников. Дело в том, что это был внук знаменитого Мечникова, исследователя, открывателя противоболлезненных сывороток. Но он себя считал французом, потому что он приехал из Парижа, и французский язык был для него более привычным, чем русский.

Так что публика и на улице отличалась. Во-первых, все были прилично одеты. Вот эта мода на такое разгильдяйство в одежде появилась недавно, лет тридцать тому назад, когда появились хиппи, но тогда это считалось неприличным. Каждый старался одеться чисто. Скромно, может быть, не по моде, но чисто. Было уважение к себе и уважение к окружающим.

Л. С.: Независимо от сословия?

Лихачев: Независимо от сословия. Надо сказать, что, конечно, крестьяне были одеты по-крестьянски, но в чистые рубахи. В лапти были одеты многие, но это зависело от профессии. Не потому, что они были очень бедны, а просто потому, что <например, > ходить по лестницам, поднимая кирпичи на стройку, в лаптях было «упористее», как они говорили, — лапти не скользили, как сапоги. В сапогах нельзя было работать, даже разгружать дрова. Ведь все каналы, все набережные были заполнены барками. В барках привозили дрова, березовые хорошие дрова на отопление, береза ведь очень жаркая. А, скажем, ольха нежаркая, но зато ольха не коптит. Поэтому в барских домах топили ольховыми дровами, чтобы не закоптить стены и произведения искусства, которые там висели.

Отец, между прочим, очень любил сам выбирать дрова, чтобы они были сухие, чтобы они удобно укладывались в печку. А я любил топить. Это моя обязанность была по семье. Хотя у нас была бонна, у меня и моих братьев, и кроме того, была кухарка; когда дела устраивались хорошо, то еще и горничная была. А когда в Одессе мы жили, там у нас еще и лакей был.

Л. С.: Это когда летом выезжали на отдых?

Лихачев: Нет, нет. Дело в том, что туда, в Одессу, отец получил назначение помощником начальника почтово-телеграфного округа. Вообще мой отец рано сделал карьеру, потому что он был очень энергичный человек, и всегда с какой-нибудь выдумкой. Он в одесском почтово-телеграфном округе ввел автомобильное сообщение — не на лошадях развозили почту, а на автомобилях. И он построил там гаражи. Это было новшество. Вот за такие новшества, за энергию, за интерес к работе его ценили, и он перед революцией должен был

* «До свидания» (итал.).

получить уже действительного статского советника или что-то в этом роде, что для его возраста было рановато.

Л. С.: А вы к отцу в гости приезжали или жили в Одессе?

Лихачев: Нет, мы жили там, мы переехали. Мама очень не хотела переезжать, расставаться со своей матерью, со своим отцом. А когда приехала, ей все в Одессе сперва не нравилось, а уезжала уже с плачем, потому что в Одессе появились друзья, жизнь была в Одессе очень веселая. Мы ездили на яхте компаниями, ездили в Аркадию, в Малый Фонтан, Большой Фонтан. Причем в Одессе был замечательный оперный театр. С итальянскими певцами, которым было удобно приехать на пароходе. В Питер приехать для певца это было целое событие, ведь здесь холодный климат, боялись певцы простудить горло. А Одесса — это та же Италия. Сели на пароход и приехали. Поэтому опера в Одессе была замечательная, очень хорошая. Ну, и народ веселый был. Это вообще была средиземноморская культура. <...>

Л. С.: Понятие «пестрота» подходит в национальном отношении к Одессе?

Лихачев: Пестрота? Да. И, между прочим, Петербург тоже отличался пестротой, разделением на сословия, профессии, специальности и т. д. Совершенно особой была морская среда. Дворянская среда разделялась по полкам. Были дворянские семьи, которые всех своих сыновей отдавали в такой-то полк, а другая семья — в другой полк отдавала своих детей.

Л. С.: При Петре селились в слободках, а в начале двадцатого века было это разделение?

Лихачев: Сохранялось деление по сословиям и национальностям. Скажем, Новая Деревня. Сейчас никто даже не помнит название «Новая Деревня», оно не употребляется. А Новая Деревня — это было пристанище цыган, там жили цыгане. Причем не обязательно бедные цыгане. Была одна цыганка (не помню ее имени), у которой в подарок от Великого князя были черные бриллианты. Она была знаменита не только своим голосом, но и этими бриллиантами, которые она носила. Очень сказывалось сословное различие в дачной местности. Ну, скажем, рабочие ведь тоже выезжали на дачу. Это — Лахта, это невские берега вверх по Неве. Потому что пароходное сообщение было самое дешевое, и рабочие вывозили свои семьи, всегда многочисленные, так, чтобы приезжать каждый день на пароходе. <Еще> Коломяги — это теперь уже забытое место около Комендантского аэродрома. Кстати сказать, я был одним из свидетелей первых полетов на аэропланах. Тогда не говорили «самолеты». «Самолеты» стали говорить с началом войны, когда пошла мода на русские слова и стали менять все иностранные названия на русские: «авиатор» — на «летчик», «аэроплан» — на «самолет» и т. д.

Л. С.: Вы имеете в виду Первую мировую войну?

Лихачев: Да, Первую мировую войну, «германскую войну», как ее называли. Для меня вообще разделение «до войны и после войны» идет по Первой мировой войне. Я так привык.

Л. С.: Для вас, наверное, было большим событием видеть аэропланы, самолеты, когда они впервые взлетали?

Лихачев: Да, конечно. На Комендантском аэродроме были построены трибуны. На трибуны вход был платный. И вот я помню такие яркие картины (правда, они на фотографиях отца не запечатлены): летчик сделал какой-то кульбит в воздухе, прилетел, спустился вниз, и вот толпа с трибун побежала и понесла его на руках. Это я очень ярко помню. Помню, как летчики одевались — высокие сапоги на шнуровке, гольфы, широкие штаны. И обязательно кепка. Кепка — это признак или кинематографистов, или летчиков, или спортсменов. И кто хотел изображать из себя такого спортсмена, тот обязательно ходил в кепке. Мало того, я помню, как началась мода на теннис. Звался он «лаун-теннис», «играть в лаун-теннис». Но это неправильно, потому что «lawn» — это просто «площадка». «Лаун-теннис» развивался в дачных местностях, это Куоккала, это Коломяги. Там устраивались лаун-теннисные площадки и играли.

Мой старший брат уже играл в лаун-теннис. Только после революции с большим трудом вместо «лаун-теннис» стали говорить просто «теннис» — игра в теннис. Терминология была английская. Скажем, в футболе — кипер, голкипер и т. д. Так же, как «трамвай». В Англии он назывался просто «tram», а «way» — это трамвайная дорога, путь. Но у нас это перешло на название. Трамваи, кстати сказать, были другие. И другое отношение к людям в трамвае. Ведь на каждой остановке мужчина-кондуктор (всегда мужчина в форме) выходил первым из вагона с задней площадки, подсаживал пожилых людей, следил за порядком и последним поднимался в вагон. Потом дергал за веревочку, и колокольчик там, у вагоновожатого, звенел. Только после этого трамвай трогался и шел. Причем скамьи были спиной к окнам, такие длинные, поэтому был широкий проход посередине. Скамьи разделялись железной ручкой. Ту часть, что была ближе к вагоновожатому, занимала «чистая» публика, и это стоило, допустим, пять копеек, а задние скамьи, точно такие же, стоили три копейки. Не многие рисковали сесть с нечисто одетым человеком.

Л. С.: А «зайцем» нельзя было проехать?

Лихачев: Толпы не было, поэтому это было трудно — следил вежливый кондуктор.

Л. С.: А лошади в городе еще были? Использовали их?

Лихачев: Да. Особенно зимой. Это санки. Снег не убирали специально. Наоборот, если где-то снег таял, то снег подбрасывали, потому что зимой ездили на санках. Это было очень интересно. Меня привязывали к санкам, санки к пролетке и приказывали извозчику ехать тихо. Но мне все равно казалось, что он едет очень быстро. И я ехал сзади на этих санках. А санки, я помню, покупали в английском магазине. Только не в том, в котором Набоковы покупали, а на Вознесенском проспекте. Был такой длинный полуподвальный магазин, и там продавали английские спортивные вещи: и лыжи, и санки различные, и мячи футбольные.

Л. С.: Казался ли вам тогда город большим?

Лихачев: Он был значительно меньше, чем сегодня, но мне он казался большим благодаря разнообразию городского ландшафта, благодаря обилию различных вывесок, названий. Писали «Колониальные товары», это значит: перец, кофе, чай — то, что привозилось из-за границы. Но большей частью писали фамилию купца.

Л. С.: Вы в своей книге пишете о том, что на знаменитой гравюре Садовникова была фамилия «Лихачев». Это Невский, 42?

Лихачев: По моим расчетам — Невский, 44. Это там, где сейчас зубная клиника. Раньше я считал, что где кафе «Север», но, по-видимому, немного дальше. Но это был совершенно другой дом. Мои предки занимались шитьем. Вот волей случая моя дочь тоже занимается шитьем, прикладным искусством в Русском музее, она музейный работник. У моих предков Лихачевых было два стада, они шили офицерское обмундирование и церковные одежды.

Л. С.: Это в конце XVIII века?

Лихачев: В самом конце XVIII века мой прапрадед Лихачев приехал из Солигалича. Там в это время, по-видимому (я это достоверно не знаю), стали иссякать соляные источники. Потом они возобновлялись, но в общем стало невыгодно там жить. Поэтому он приехал в Петербург. В начале XIX века Лихачев получил наследство в Солигаличе, уехал туда и дожил там до 1837 года. Николай I вел антидворянскую политику. Многие не знают, что после декабристского движения он стал не доверять дворянам, хотел дворянам противопоставить купцов. Так, в 1832 году он ввел титул почетного гражданина. И вот этот титул получил мой прапрадед.

Л. С.: А дедушка ваш кем был?

Лихачев: Дедушка мой тоже в молодости занимался шитьем обмундирования. У меня сохранились его портреты. Но потом Александр III вполне разумно

стал сокращать расходы на армию (он и так держал всю Европу в страхе и в подчинении; это был первый монарх в Европе, который ни разу не воевал, с которым считались и которого все боялись), и прежде всего — на шитье формы. Он упростил форму. Многие гусарские полки перевел в драгунские, потому что драгуны были гораздо менее расходной статьей военного бюджета. Так что дедушке пришлось туго, и тогда он организовал артель полотеров. Она была в центре, напротив Владимирской церкви. Во Владимирской церкви он был старостой. Не той, что на Петроградской стороне, а той, что на Владимирской улице, у Кузнечного рынка, напротив дома Достоевского. И там его приемник отпевал бесплатно по первому разряду Достоевского. Достоевский был прихожанином этой церкви и встречался с моим дедушкой несомненно, потому что дедушка должен был с блюдом обходить прихожан и собирать деньги на содержание храма, на масло, на свечи, на расходы по отоплению. Целая шеренга служителей церкви обычно двигалась, и молящиеся разделяли деньги и понемножку клали на каждое блюдо. Это, между прочим, не было проявлением поповской жадности, как старались изобразить антирелигиозные люди. Если ты прихожанин церкви, то надо было жертвовать материально. Это входило в пожертвования церкви всякого рода. Вот мой дедушка был попечителем различных сиротских заведений. Это входило в его религиозный христианский долг, в его послушание. Поэтому сборы, которые тогда делались и сейчас собираются в церкви, не означают, что церковь нуждается. Эти деньги она направляет на благотворительные цели. И Владимирская церковь не нуждалась в тех грошах, которые получала от прихожан. <...>

Если мы будем касаться топографии Петербурга, то надо сказать, что каждое дачное место очень отличалось от другого. Куоккала, в которой мы жили, это была дачная местность мало зарабатывающей интеллигенции, которая группировалась вокруг Репина. Репин был очень веселый человек и любил всякие чудачества. Поэтому он покровительствовал Чуковскому. Бесплатно построил ему дом. Чуковский тоже был веселым человеком. Я его помню. Он выкидывал разные чудачества, устраивал всякие карнавальные затеи. Все это можно почувствовать даже по Ахматовой, по ее поэме «Без героя». И это было очень характерно для Петербурга. Карнавалы, маскарады, разные авангардные театры, старинный театр. Мейерхольд на этом и выдвинулся. Он был выдумщик в театре. Каждый раз вы не знали, что вас ожидает на его новой постановке. То же самое и балет. Ведь в балет втягивалась публика. В балет нужно было приходиться в бриллиантах, с веерами, дамы были декольтированы. И часть балета шла при полупотушенном электричестве (а до того газе), потому что зрительный зал втягивался в балетное действие. Характерный пример — постановка «Маскарада» Мейерхольдом в Александринском театре. Он просто сцену сделал продолжением зрительного зала, потому что зрительный зал там очень красивый. Перекрыл оркестровую яму, и со сцены лестницы спускались прямо в зал. Вы чувствовали себя участником этого маскарада. Это была совершенно замечательная выдумка и постановка. После этого вошло в моду у актеров выходить в зрительный зал. Особенно на комических постановках, «Принцесса Турандот» какая-нибудь или еще что-нибудь. Артисты сходят в зрительный зал и разговаривают с публикой.

В театр обычно дамы надевали ротонду. Моей матери в приданом была дана ротонда чернобурой лисицы. Такая накидка без рукавов. Она не мяла дамского платья и тепло одевала шею. На голове, как сейчас помню, был капор, розовый такой пышный капор, чтобы не мять прическу. Кроме того, в балет было принято ходить в бриллиантах. И вот с мамиными бриллиантами была такая история (часто об этом случае рассказывали дома). Для того чтобы купить бриллианты, чтобы ходить и не чувствовать себя униженной в балетном зале, родители очень сэкономили, даже на извозчиках. Поэтому мы всегда снимали квартиру около Мариинского театра, чтобы ходить пешком. Но однажды сняли где-то далеко и

зимой ходили через Неву пешком, потому что на другом берегу извозчик брал на три копейки меньше. И вот однажды возвращаемся после спектакля через Неву. Отец шел впереди, мать сзади, она упала, а подняться никак не может, потому что рукавов нет. Она кричит, а отец не слышит — ветер сильный был. Но самое ужасное было то, что мама не могла понять: потеряла она бриллианты или не потеряла? Потому что при падении все могло случиться, могла оборваться цепочка. Так что мои родители, пока не пришли домой и не удостоверились, что бриллианты на месте, очень волновались. И это все из-за трех копеек. А сбереженные три копейки — это была возможность ходить в балет. Но где бы мы ни снимали квартиру, она всегда была никак не меньше пяти комнат. Гостиная была обязательно. И вот почему. Ведь хотя у нас к тому времени уже был телефон, все-таки была привычка делать визиты внезапно, без предупреждения. И вот пока хозяева оденутся, приведут себя в порядок, где-то надо было принять гостей. Гостей провожали в гостиную, предлагали им посидеть и подождать. Тут были семейные альбомы или какие-нибудь альбомы для рассматривания, чтобы занять на десять-пятнадцать минут гостей, потом к ним выходили.

Л. С.: Вы говорите: «снимали квартиры». Почему снимали? Ведь можно было и купить квартиру?

Лихачев: Нет, нет. Отдельные квартиры не продавались, продавался целый дом. Квартиру очень легко было снять. Всегда на парадной лестнице была стеклянная дверь, и там были белые наклейки: «Сдается квартира. Такой-то этаж». До третьего этажа обычно была ковровая дорожка. Зимой внизу горел камин.

Л. С.: На лестнице?

Лихачев: Да. И был швейцар, который, кстати сказать, всегда занимался еще каким-нибудь делом, потому что у него было много свободного времени. У нас, когда мы жили на Торговой улице, швейцар очень хорошо переплетал книги. Я многие свои книги переплел у него. Моя любимая книжка была — Нечаева «На суше и на море». Масса всяких интересных сведений было там. И про гейзеры какие-нибудь, и про ледники, и про африканские страны и т. д. Я очень гордился тем, что у меня были разнообразные знания уже в семилетнем-восьмилетнем возрасте благодаря этой книжке. Любимая моя была книжка. А переплетена она была нашим швейцаром. С ним у меня всегда были хорошие отношения. Швейцар, по-видимому, любил детей и хорошо к ним относился.

Так что нанять квартиру было очень просто. Об этом не заботились. Перед отъездом на дачу мы освобождали квартиру, отправлялись на Кокоревские склады (то здание, что сегодня занимает истфак университета, было складами), выбирали мебель, приезжали артельщики, упаковывали ее, грузили и отправляли на дачу. Это было дешевле, чем снимать квартиру. Все лето мы жили на даче, а в августе отец приходил и говорил, что «вот такая-то есть квартира, вот такая-то», и мама заочно соглашалась с той или иной квартирой, лишь бы это было поближе к балету, к Мариинскому театру. А в балет очень трудно было достать абонемент. Так же, как, скажем, на Шаляпина, выстраивалась очередь. Но у нас в оркестре был контрабасист знакомый, мы дружили со всей его семьей, и он нам устраивал абонемент. Кстати сказать, и своей жене, и своей дочери устраивал общую ложу. И у меня было свое место, рядом с балконом. Сейчас в Мариинском театре нет этого балкона. А тогда был балкон, и маленькое место треугольное, куда меня сажали. А вообще-то в ложу сколько угодно можно было людей пускать. Капельдинеры были знакомые. Кстати, очень важно сказать, какие были капельдинеры. Это тоже был элемент представления. Капельдинеры были одеты как в восемнадцатом веке. Белые чулки, голубые штаны и ярко-желтые с золотыми пуговицами и золотыми позументами камзолы или кафтаны. Яркие. Они всегда встречали нас и уже всех знали.

Л. С.: А кто тогда из балерин производил наибольшее впечатление?

Лихачев: Помню, что моим родителям не нравилась Кшесинская. Она великолепно вылетала на сцену. Хотя считали, что она коротконожка. И потом

всякие слухи ходили о ее характере. Мои родители очень увлекались Спесивцевой. Она была создательницей образа Жизели. Вообще она была не только балерина, она была актриса, трагическая актриса, особенно ей удавались трагические роли. Очень любили Люглюком. За противоположное, за очень веселый нрав, большую живость. Но это уже несколько позднее.

Л. С.: Ощущение тревоги, связанное с Первой мировой войной, когда появилось?

Лихачев: С 1914 года. До того я не помню. Мама часто вспоминала, как 9 января 1905 года, в «кровавое воскресенье», она ходила к Зимнему дворцу, но на площадь не выходила, а стояла в Александровском саду. Там мальчишки забирались на деревья, чтобы лучше видеть то, что происходило на площади. И когда солдатам дали команду стрелять по толпе, они, чтобы не попасть в людей, старались стрелять немножко выше толпы, по деревьям Александровского сада. А там мальчишки сидели. И вот у мамы на глазах мальчик упал с дерева, застреленный солдатами.

Может быть, революционное движение ощущение тревоги и вызывало, но я знаю (по рассказам родителей), что ужасное впечатление в Петербурге произвело Цусимское поражение. Потому что не было морской семьи, в которой не погибли бы либо родственники, либо друзья. Японская война была ужасна, конечно. Но я ее не помню.

А потом — гибель гвардии в Восточной Пруссии. Полки оставались, но они уже были набраны из людей совершенно другого круга, по росту, как полагалось, но это уже не была настоящая гвардия. И она изменила характер города. В городе появилось огромное количество военных, которые старались отсидеться в тылу, и это, между прочим, все были социал-демократы, которые больше всего издевались над солдатами. Для того чтобы их не отправили на фронт, они должны были муштроваться солдат маршевой роты. И вот они производили учения около Исаакиевского собора. Причем это было ужасное зрелище. Я до сих пор помню, как учили штыковой атаке. Делалось соломенное чучело, сзади его держали два солдата, а третий бежал и должен был вколоть в это чучело штык. Я представлял себе на месте этого чучела живого человека, и на меня это производило ужасное впечатление. Кроме того, помню, как грубо обращались эти социал-демократы, бывшие студенты, с новобранцами-крестьянами. Крестьяне все-таки попали в чужой неизвестный город из деревни, они такие жалкие были. Вот один из них никак не мог что-то сделать, офицер схватил его за нос, а у солдата был насморк. Как офицер ругался! А я был очень доволен, что он хоть так получил возмездие за свою грубость...

Вообще, это был другой мир. Я вспоминаю и настоящих интеллигентов, и царскую семью. Я думаю, что сейчас я единственный, кто помнит наследника. Я видел его в Ялте. Была благотворительная лотерея, и он на ней был. На молу это происходило. Все получили приглашение на эту лотерею. И мы получили приглашение, потому что мой отец был помощником начальника большого почтово-телеграфного округа и находился в Ялте в отпуске. И вот я помню, что был устроен такой круглый павильон с матерчатой крышей от солнца. И там государыня (тогда не говорили «императрица», «царица», говорили «государь и государыня») продавала билеты, а наследник из большого куля из-под овса доставал выигрыши.

Л. С.: Сколько лет ему тогда было?

Лихачев: Он на два года был старше меня. Я его считал своим ровесником, поэтому у меня был повышенный интерес к нему. А царевен я не помню, хотя они тоже присутствовали на этой лотерее (Николая II не было). Все мое внимание было обращено на наследника. Я смотрел, как он себя ведет. А он был очень живой мальчик и любил пошутить...